

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ 1905 год В ФИНЛЯНДИИ

Я. С. Ильинский

В 1901 г. в органе финляндских социал-демократов «Tuomies» («Рабочий»), выходившем в Гельсингфорсе (Хельсинки), появилась статья, содержание которой метко передавало отношение рабочего класса Финляндии к революционному движению в России в тот период. Автор рассказывал об одном странном «сне». Действие якобы происходит в России, где друг против друга стоят войска и рабочие. Рабочие собирают булыжники. Автор замечает: «Камень — плохое оружие». «Все же лучше, чем адрес», — отвечает русский рабочий, намекая на верноподданнические петиции финляндского народа царю, и добавляет: «Смотри, как на них отвечают». В это время раздается залп со стороны солдат. На прощание русский рабочий говорит автору-финляндцу: «Действуйте у себя хотя бы в такой мере, чтобы кровавые псы не могли оттуда напасть на нас...»

Уже за несколько лет до первой русской революции рабочий класс Финляндии начал осознавать, что Россия стоит накануне больших революционных событий и что это налагает на финляндских рабочих определенные обязанности.

В отличие от России, где вера рабочих в царя была расстреляна в «кровавое воскресенье», в финляндском народе вера в царя была убита двукратным вероломным отказом царя принять петиции-адреса, поданные ему в 1899 и 1901 гг., которые и имела в виду упомянутая статья в «Tuomies». Эти петиции содержали массовый протест финляндского народа «против политики правительства, посягнувшего и продолжающего посягать на конституцию Финляндии в нарушение клятвы, торжественно данной всеми царями, начиная с Александра I и кончая Николаем II»¹.

Резкое обострение отношений между Финляндией и царизмом в конце XIX и в первые годы нынешнего века втягивало финляндский народ в борьбу с царским гнетом. Оно способствовало сближению финляндских трудящихся с общественной мыслью и общественным движением в России, несмотря на то, что трудящиеся в Финляндии находились тогда под влиянием националистической буржуазной интеллигенции. Развитие революционного движения в России помогало широким массам финляндского народа понять, что за репрессии против Финляндии ответственность несет царское правительство, а не русский народ. Наряду с усилением ненависти к царизму и его угнетательской политике в Финляндии росли, по мере подъема революционного движения в России, симпатии и доверие к русскому народу, в котором трудящиеся Финляндии начали распознавать не только союзника, но и руководителя в борьбе с царизмом.

Характерно признание известного в Финляндии буржуазного деятеля

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 280. «Народ долго терпел, верный историческим традициям лояльности, — писала в 1905 г. о финляндском народе первая легальная большевистская газета «Новая жизнь», — народ долго думал, что эта политика — результат какого-то недоразумения и что он сможет рассеять это заблуждение петициями, адресами и т. д.» («Новая жизнь», 27 октября 1905 года).

ля Конни Циллиакуса, одного из вождей «активистов»². В предисловии к своей книге «Революционная Россия» Циллиакус писал: «Никто не предполагал, что там (в России.— Я. И.), под верхними слоями, совершается процесс, который рано или поздно должен привести к освобождению русского народа, а с ним и к освобождению Финляндии от ярма, которым самодержавие стремилось насильственно задавить финскую нацию... И точно так же выяснилось, что ни от какой другой силы нельзя было ожидать материальной помощи, но что Финляндия должна возложить все свои надежды на освободительное движение, происходящее в России и все более привлекающее к себе внимание остального мира»³.

Заслуживает внимания также высказывание А. Игельстрома, автора предисловия к брошюре И. Кока «Всеобщая забастовка в Финляндии». Он указывал, что «воскрешением к жизни» Финляндия обязана «столько же энергичному выступлению финского рабочего класса, сколько самоотверженной борьбе русского народа... Русская свобода всегда будет необходимым условием финской свободы»⁴.

При анализе расстановки классовых и партийных сил в Финляндии накануне революции 1905 г. следует учесть прежде всего выросшую к этому времени роль финляндского рабочего класса⁵. В 1905 г. в Финляндии насчитывалось 107,8 тыс. промышленных рабочих, составлявших 3,7% населения страны, в то время как в 1885 г. индустриальный пролетариат, насчитывавший 38 тыс. чел., равнялся только 1,7% населения. За это же двадцатилетие стоимость продукции промышленности выросла с 117,4 млн. финских марок до 392,5 млн. марок⁶.

Серьезным толчком к самостоятельным классовым выступлениям финляндских рабочих явился голод 1891—1893 гг., вызванный неурожаем. В связи с голодом заработная плата рабочих была резко снижена, в то время как цены на хлеб и другие предметы жизненной необходимости бурно росли. К ухудшению положения рабочего класса вела расширявшаяся эксплуатация дешевой женской и детской рабочей силы: в конце прошлого столетия в ткацко-прядильной промышленности женщины уже составляли 66% всех рабочих, в табачной и спичечной — 66—70%, в бумажном производстве — 35% и т. д.⁷. У рабочего класса был мощный политический резерв в лице многочисленного батрачества, безземельного или малоземельного крестьянства⁸. Среди последнего особенно выделялись торпари (мелкие арендаторы земли), которые не выплачивали арендную плату, а отработывали ее и несли некоторые другие полуфеодалные повинности. Несмотря на свою сравнительную малочисленность, рабочий класс Финляндии стал задавать тон в общественно-

² Впоследствии, в 1918 г., Циллиакус являлся одним из главарей финляндской белогвардейщины. Партия активного сопротивления («активисты») образовалась в Финляндии в 1904 г. и по своей политической сущности и методам была в некотором роде финляндской разновидностью партии эсеров, с которыми «активисты» были тесно связаны формальным соглашением и у которых они заимствовали метод индивидуального террора.

³ Конни Циллиакус. Революционная Россия. Возникновение и развитие революционного движения в России. Перевод с немецкого. СПб. 1906, стр. VI.

⁴ И. Кок. Всеобщая забастовка в Финляндии. Перевод с финского, под редакцией и с предисловием А. Игельстрома. СПб. 1907, стр. 12. См. также Я. С. Ильинский. Роль русского рабочего класса в национальном освобождении Финляндии. «Вопросы истории», 1953, № 12.

⁵ Яркую характеристику расстановки общественных сил в Финляндии в начале XX в. см. А. М. Коллонтай. Финляндия и социализм. СПб. 1906, стр. 53.

⁶ См. «Suomen Tilastollinen vuosikirja». 1952 («Статистический ежегодник Финляндии» за 1952 г.). Хельсинки. 1953, стр. 92.

⁷ См. А. М. Коллонтай. Жизнь финляндских рабочих. Экономическое исследование. СПб. 1903, стр. 30.

⁸ Общая численность безземельного и малоземельного сельского населения Финляндии, являвшегося резервом для пополнения рядов промышленного пролетариата, составляла в 1895 г. свыше миллиона человек, или более 40% населения страны (см. там же, стр. 32).

политической жизни страны, оказывая большое влияние на трудовое население деревни.

Численному росту финляндского рабочего класса сопутствовало возникновение рабочего движения. Оно началось с рабочих певческих кружков, касс взаимопомощи, кружков самообразования, рабочих школ и т. д., создававшихся на первых порах с культуртрегерской целью либеральными предпринимателями (вроде, например, фабриканта Врикта, образовавшего в 1884 г. в Гельсингфорсе первый Рабочий союз). Сколько ни старалась финляндская буржуазия всевозможными мерами предотвратить развитие самостоятельного рабочего движения и выход рабочего класса на арену политической жизни, классовая борьба пролетариата становилась все более активной. Вспыхнуло стачечное движение. Оно началось с забастовки типографских рабочих в Гельсингфорсе в 1890 г., явившейся первой организованной стачкой в Финляндии. Особенно много забастовок было в 1896 г., известном в истории рабочего движения Финляндии под названием «красного года». Одной из наиболее крупных стачек, вызванной стремлением рабочих сократить продолжительность рабочего дня до десяти часов, была забастовка строительных рабочих в Гельсингфорсе летом 1896 года. Но забастовщики добились только сокращения работы на полчаса в субботние дни.

Финляндская буржуазия упорно боролась против классовой организации финляндского пролетариата. Стремление трудящихся масс с рабочим классом во главе к самостоятельному выступлению против царского произвола встречалось финляндской буржуазией в штыки. Так, когда в 1903 г. в газете «Tuomies» появилась статья, где говорилось, что единственный путь к национальной самостоятельности ведет через организованные выступления рабочих масс, финляндская буржуазия завопила об «измене» и сделала попытки запретить издание этой рабочей газеты. Усматривая в рабочей печати главную причину распространения в пролетарской среде «зловредных теорий», капиталисты очень часто подвергали эти газеты («Tuomies» в Гельсингфорсе, «Kansan lehti» в Таммерфорсе) собственной цензуре, задерживая и конфискуя неугодные им номера⁹. Таким образом, финляндский рабочий класс должен был бороться против национального угнетения страны царизмом и одновременно отстаивать свои классовые интересы, давая решительный отпор финляндской буржуазии.

Начавшиеся в 1903 г. быстрый промышленный рост и концентрация довольно крупных пролетарских масс не только в столице — Гельсингфорсе, но и в провинциальных городах Таммерфорсе, Або и других способствовали развитию массового рабочего движения, возглавляемого финляндской социал-демократией. Последняя создалась еще в 1899 г. в лице Финляндской рабочей партии, принявшей в 1903 г. название Финляндской социал-демократической рабочей партии. До 1905 г. рабочее движение Финляндии находилось главным образом под идейным влиянием германской социал-демократии.

Что касается буржуазного лагеря Финляндии, то в нем к 1905 г. произошла следующая перегруппировка: отколовшиеся еще в 80-х годах от основной партии финской буржуазии — старофиннов (крупные капиталисты, помещики и кулачество, крупное чиновничество и духовенство) более радикальные элементы — младофинны (главным образом либеральная интеллигенция) объединились с партией шведской земельной аристократии, буржуазии и бюрократии в Финляндии, так называемыми шведоманами, в конституционную партию. Но перед лицом активизирующегося пролетариата Финляндии все фракции буржуазии забывали о своей прежней борьбе, развертывавшейся главным образом на почве спора о равноправии финского и шведского языков, и единодушно вы-

⁹ См. там же, стр. 241.

ступали против политических, экономических и социальных требований рабочего класса. Забвение былых «языковых» и иных распри сопровождалось заискиванием перед царизмом, в котором финляндская буржуазия стала искать опору против «внутренних врагов».

Несмотря на значительный рост активности финляндского рабочего класса и шедших за ним пролетарских и полупролетарских слоев деревни, в частности торпарского крестьянства, весь этот трудовой люд Финляндии к началу XX в. не имел никаких политических прав. Ни в четырехсословном сейме (с представительством дворянства, духовенства, горожан и крестьян), сохранившемся со времен средневековья, ни в органах самоуправления городов и сельских общин рабочий класс и беднейшие слои трудящихся деревни не имели своих депутатов. Некоторое исключение составлял лишь сейм, созданный в конце 1904 г., куда по сословию горожан прошли три социал-демократических депутата при поддержке буржуазных конституционалистов. Консервативная финляндская буржуазия была далека от мысли добровольно отказаться от своего привилегированного положения в стране. Поэтому местная социал-демократия выдвигала в революционном 1905 г. на первый план требования всеобщего избирательного права и демократических свобод, упразднения четырехсословного сейма и учреждения однопалатного парламента. В Финляндии в один революционный поток соединились демократическое движение за всеобщее избирательное право и другие политические права и национально-освободительное движение за восстановление поправленных царизмом конституционных прав страны. «Национально-освободительная борьба угнетенных народов была составной, неотъемлемой частью общероссийского революционного движения»¹⁰.

Развитие событий в Финляндии в 1905 г. протекало под прямым и непосредственным воздействием первой русской революции.

Свое «боевое крещение» — первое знакомство с карательной вооруженной силой самодержавия — финляндский народ получил еще задолго до 1905 года. 5 апреля 1902 г.¹¹ в Гельсингфорсе по приказу нюландского губернатора царского генерала Кайгородова были разогнаны и избиты нагайками безоружные демонстранты. Демонстранты, главным образом молодежь, протестовали против царского закона 1901 г., лишившего Финляндию права иметь собственные войска и возложившего на ее население обязанность отбывать общегосударственную воинскую повинность¹².

В день 9 января 1905 г. в Гельсингфорсе состоялось массовое шествие. Поводом послужили слухи, что «в Петербурге что-то происходит». Демонстранты имели целью помешать царским властям послать подкрепления в Петербург из расположенных в Финляндии воинских частей. Известия о расстреле безоружных русских рабочих у Зимнего дворца вызвали взрыв негодования у рабочих Финляндии. Сразу по получении сообщений о трагических событиях состоялись сходки у ворот гельсингфорских заводов и фабрик. Распространялись воззвания, призывавшие к манифестациям против царского самодержавия¹³.

Впоследствии в большевистской газете «Вперед» были опубликованы подробная корреспонденция и статья об откликах трудящихся Фин-

¹⁰ «Пятьдесят лет первой русской революции (Тезисы)». М. 1955, стр. 19.

¹¹ Все даты даны по старому стилю.

¹² См. «Искра», № 22, 1902 год. Подробное описание события дано в брошюре «Происшествия в Гельсингфорсе 18 апреля 1902 г.» (5 апреля по старому стилю.— Я. И.) Стокгольм. 1902, стр. 1—12.

¹³ См. М. Русобтовский. Историческое освещение финляндского вопроса. СПб. 1912, стр. 130.

ляндии на петербургские события. Как отмечала газета «Вперед», 11 января в Гельсингфорсе состоялась большая рабочая демонстрация, в которой участвовало около 10 тыс. человек. Сбор демонстрантов начался в 8 час. вечера на Сенатской площади, где исполнялись финские национальные песни и произносились речи в защиту всеобщего избирательного права и финляндской конституции. Многолюдный митинг перед русскими казармами принял под несмолкаемые восторженные возгласы резолюцию, в которой говорилось: «Надвигается революция. Со всех концов России доносятся клики сотен тысяч: «Долой самодержавие!» Финский народ, и в особенности финский пролетариат, заявляет, что он присоединяется к той великой борьбе, которую начали его братья в России. Долой всех, кто ищет союза с палачом народов Николаем II и с его разбойничьим правительством! Долой рабство! Свободу всем народностям! Да здравствует революция!» Резолюция эта, напечатанная по-фински, на красной бумаге, была тут же разбросана в тысячах экземпляров.

После этого демонстранты, развернув красные знамена, отправились с пением рабочего марша и финских песен по главным улицам Гельсингфорса, останавливаясь перед квартирами некоторых особенно пресмыкавшихся перед царизмом членов сената (автономного правительства Финляндии), перед домом царского генерал-губернатора. На пути демонстранты делали остановки, слушали революционные речи и с возгласами «Долой самодержавие! Да здравствует революция! Да здравствует свобода!» шли дальше. Около 11 часов вечера, когда демонстрация, по существу, уже закончилась, казаки патрули и бездействовавшая до того времени полиция набросились с остервенением на отдельные группы людей. Было арестовано 23 человека.

Царские власти были перепуганы до крайности. Царский генерал-губернатор в Финляндии князь Оболенский наполнил свою квартиру солдатами, во дворе его дома расположились казаки, а из Свеаборгской крепости были даже направлены на Гельсингфорс пушки.

12 января демонстрации в Гельсингфорсе повторились, но уже в меньших размерах. Демонстранты с развернутыми красными знаменами и с рабочими песнями проходили по улицам города. Песни чередовались с возгласами «ура!». Оправившаяся от страха полиция, конная и пешая, разогнала колонну в 5 тыс. человек. Были раненные саблями и револьверными пулями. В том числе был тяжело ранен выстрелом из револьвера один полицейский. Стараясь вознаградить себя за предыдущий день, полицейские били всех подвергавшихся под руку, не отличая демонстрантов от прохожих. Арестованных жестоко избивали в полицейских участках. Полиция так «постаралась», что сенат, по предложению Оболенского, ассигновал ей «за усердие» 10 тыс. финских марок.

Демонстрации состоялись в Або, Таммерфорсе, Выборге, Котка, Лахти, Бьернеборге, Ловиза и других городах¹⁴.

Большой интерес представляла помещенная в большевистской газете «Вперед» информация о том, как реагировала финляндская общественность, в том числе социал-демократическая партия, на события в Гельсингфорсе, в частности на демонстрацию 11 января. «Сейчас же после демонстрации,— сообщалось в газете,— буржуазные газеты начали заявлять свои протесты против демонстрации. И в этом хоре голосов обидно было слышать голос финляндской социал-демократической партии (легальной) и рабочих союзов, заявляющих печатно, между прочим, в подцензурном центральном органе партии, что они не принимали участия в демонстрации. Легальное положение финляндской социал-демократии и ее боязнь утратить права, которыми она пользуется, ставят ее нередко

¹⁴ См. «Вперед», 25 января и 2 марта 1905 года; см. также «Vorwärts», 27 января 1905 г. и сборник документов и материалов «Начало первой русской революции. Январь — март 1905 года». М. 1955, стр. 679—680.

в положение, не соответствующее историческим задачам и достоинству партии»¹⁶.

С февраля 1905 г. началась волна активных демонстраций рабочих Финляндии за всеобщее избирательное право. Единодушным требованиям рабочего класса провести всеобщие выборы буржуазия противопоставила проекты незначительных реформ четырехсословного сейма¹⁷. Под влиянием революционного вихря в России росла решимость финляндских рабочих, стремившихся добиться удовлетворения своих демократических требований. 6 февраля 1905 г. состоялось многотысячное шествие гельсингфорских рабочих к зданию сейма. Рабочий класс требовал одновременно и «уничтожения незаконного положения в Финляндии, проистекающего от хозяйничания русской бюрократии», и принятия законопроекта о подлинно народном представительстве на основе всеобщего избирательного права. Если к первому из этих требований финляндская буржуазия относилась положительно, то диаметрально противоположным было ее отношение ко второму требованию. В борьбе с царизмом финляндская буржуазия искала опоры в народных массах. И вместе с тем она боялась этих же масс, растущая сила которых угрожала ее классовым интересам и привилегиям. Отсюда двоядущие финляндской реакционной буржуазии, упорно саботировавшей настоячивое требование широких масс о всеобщем избирательном праве.

1 апреля 1905 г. на Сенатской площади Гельсингфорса состоялся митинг рабочих, собравший почти 10 тыс. человек. Ораторы выступали с требованиями всеобщего избирательного права¹⁸.

В тот же день вечером состоялась первая в истории Финляндии организованная демонстрация рабочего класса в масштабе всей страны. Более 30 тыс. пролетариев двинулось со всех концов Финляндии к столице и собрались вокруг здания сейма в ожидании решения вопроса о реформе народного представительства, который стоял на повестке дня. На красных знаменах демонстрантов красовались надписи: «За всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право! Долой дворянские привилегии! Мы требуем однопалатного парламента» и т. д. Реакционные палаты сейма, чувствуя себя под надежной защитой царских войск, отказались удовлетворить требования народа и приняли решение отложить вопрос об избирательной реформе до следующего созыва сейма. Когда об этом стало известно демонстрантам, из их рядов раздались гневные возгласы: «Долой буржуазию!». Лишь относительно более демократически настроенная палата крестьянского сословия в сейме под давлением масс высказалась за немедленную реформу системы народного представительства.

Отрицательная позиция, занятая финляндской буржуазией в вопросе об избирательной реформе, способствовала развитию классового самосознания финляндского пролетариата. В резолюциях рабочих сквозила теперь открытая классовая ненависть к буржуазии и непреклонная решимость отстаивать свои права в борьбе не только с царским самодержавием, но и с буржуазией Финляндии.

Аналогичные рабочие демонстрации состоялись в Выборге, Або, Улеаборге, Котка. Особенно мощный размах движение приняло в Таммерфорсе — центре текстильной промышленности Финляндии.

Не скрывая своей растущей классовой злобы к пролетарским массам, реакционная буржуазия Финляндии всячески демонстрировала свое угодливое отношение к царизму. Уже в первые месяцы 1905 г. под мощным воздействием начавшейся в России революции царизм оказался вы-

¹⁶ «Вперед», 2 марта 1905 года.

¹⁷ Еще в конце 1904 г. в собравшемся впервые после долголетнего перерыва сейме буржуазные депутаты сняли вопрос о всеобщем избирательном праве под предлогом «отсутствия законного порядка в стране».

¹⁸ См. «Vorwärts», 16 апреля 1905 года.

нужденным пойти на некоторые уступки в отношении Финляндии. В марте 1905 г. царь с большим запозданием подписал свой ответ на переданную ему финляндским сеймом еще в декабре 1904 г. «большую петицию» о «восстановлении законного порядка» в Финляндии, то есть об отмене всех основных антифинляндских мероприятий, начиная с царского манифеста 1899 года. Царь приостановил действие воинского закона 1901 г., вызвавшего столь большое возмущение финляндского населения, а также признал принцип несменяемости финляндских судей. Под давлением антинародного большинства на заседании 1 апреля 1905 г., то есть на том же заседании сейма, на котором было отвергнуто требование рабочих о всеобщем избирательном праве, сейм поспешил отблагодарить царизм и продемонстрировать свои верноподданические к нему чувства. Сейм принял решение о немедленном отпуске истребованных царским правительством 10 млн. марок в год в качестве компенсации за отказ финляндцев отбывать воинскую повинность в русских войсках¹⁹.

Этот акт покорности сейма царскому самодержавию вызвал протест со стороны некоторых демократически настроенных депутатов. Подавляющая же часть сейма, не только старофинны, но и конституционалисты, напуганная грозным началом русской революции, спешила засвидетельствовать царизму свою лойяльность.

Всеобщая октябрьская политическая стачка 1905 г. в России нашла прямой отзвук в Финляндии. Победа большевистского лозунга массовой политической стачки, сыгравшего первостепенную роль в деле революционной мобилизации масс в России, показала все историческое значение этого нового, столь важного оружия в руках пролетариата. Идея всеобщей стачки привела в движение все население Финляндии. Вслед за рабочим классом и остальные слои трудового населения примкнули к всеобщей стачке, которая скоро охватила буквально всю страну.

Объявлению всеобщей стачки в Финляндии предшествовали следующие события. 13—14 октября 1905 г. некоторые рабочие организации в Гельсингфорсе отправили своего представителя в Выборг для возведения на финляндских железнодорожников, работавших на линии Выборг—Петербург, с предложением присоединиться к революционной борьбе рабочего класса России против царизма. Транспортная связь Петербурга с внешним миром поддерживалась в это время через Финляндию. Поэтому прекращение железнодорожного сообщения между Петербургом и Финляндией означало для царской России полнейшую изоляцию от заграницы. Именно это обстоятельство и заставило финляндский пролетариат в этот решающий момент всероссийской политической стачки осознать свой интернациональный долг и проявить солидарность с русской революцией. 15 октября большая группа организованных гельсингфорских рабочих послала в Петербург финляндским железнодорожникам, продолжавшим обслуживать линию Петербург—Выборг, телеграмму с выражением порицания²⁰. Вечером в Петербург была отправлена специальная депутация с поручением побудить железнодорожников-финляндцев примкнуть к всеобщей забастовке.

На следующий день собравшийся в Таммерфорсе многолюдный митинг телеграфно потребовал от финляндских железнодорожников в Петербурге «исполнить свой долг»²¹. Такая же телеграмма была послана из Гельсингфорса большому митингом трудящихся, а также митингом студентов. Вечером 16 октября петербургская станция финляндских казенных железных дорог забастовала. Ночью забастовка распространилась

¹⁹ См. М. Руссобтовский. Указ. соч., стр. 125—126.

²⁰ См. Sigurd Roos. Nationalstrejken i Finland. I. Helsingfors. 1906, s. 28.

²¹ См. там же, стр. 33.

дс Выборга, и Петербург окончательно был отрезан от остального мира. 17 октября в Финляндии остановилась вся железнодорожная сеть, забастовали все заводы, фабрики, магазины, кроме торгующих съестными припасами.

17 октября, как только было получено сообщение о начавшейся забастовке финляндских железных дорог, в Гельсингфорсе состоялся многолюдный митинг рабочих, принявший резолюцию с выражением «сердечного сочувствия борьбе русского народа за свободу и человеческие права» и с призывом ко всеобщей стачке. На митинге был избран Центральный рабочий стачечный комитет²². Высшего напряжения этот общественный подъем достиг 18 октября, когда стало известно, что всеобщая стачка охватила полностью всю Финляндию.

Что касается финляндской буржуазии, то она в лице конституционной партии поддержала стачку тогда, когда последняя уже началась и когда стало известно, что в царском манифесте 17 октября был обойден молчанием вопрос о восстановлении поправленных царизмом автономных прав и привилегий Финляндии²³. Начатую рабочим классом стачку финляндская буржуазия стремилась использовать как средство воздействия на царское правительство с целью склонить его к уступкам в пользу Финляндии. Финляндская буржуазия тем спокойнее поддержала всеобщую стачку, что объявление рабочим классом забастовки не сопровождалось с его стороны предъявлением каких-либо социально-экономических требований: финляндская буржуазия с удовлетворением констатировала, что оружие классовой борьбы — стачка — направлено было на этот раз не против нее.

Здесь уместно остановиться на одной неверной версии, получившей широкое распространение в финляндской буржуазной историографии. Всеобщую стачку, которую начал финляндский рабочий класс, демонстрируя этим свои глубокие симпатии к русской революции и полную солидарность с рабочим классом России, консервативные финляндские историки готовы выдать за «национальную забастовку», то есть забастовку, якобы продиктованную «общенациональными» целями всей Финляндии в ее борьбе с царским гнетом. Достаточно, например, сослаться на вышедшее в Гельсингфорсе в 1906 г. и принадлежащее перу Сигурда Рууса описание финляндской стачки 1905 года. Правда, оно содержит много документальных данных, но общий смысл событий в нем искажен. Термин «национальная забастовка» прямо вынесен С. Руусом в заголовок. Лидер конституционной партии Лео Мехелин в работе «Разногласия по русско-финляндским вопросам» также называет забастовку 1905 г. «национальной»²⁴. Так же характеризуют ее финляндские историки Эквист и Шиббергсон²⁵. Этот термин характерен для всей буржуазной историографии Финляндии. Финляндские реакционные историки приписывают отечественной буржуазии чуть ли не ведущую роль в организации и проведении всеобщей стачки. Ирве Сирола, игравший в 1905 г. руководящую роль в финляндской социал-демократии, в своем очерке о революции 1905 г. в Финляндии пишет о попытке высших классов Финляндии в самом начале всеобщей стачки объявить ее «национальной забастовкой», чтобы стать во главе ее или же, во всяком случае, добиться достаточного влияния на ее ход²⁶. Буржуазные историки в своем стремлении выхоло-

²² См. там же, стр. 58, а также «Suomen vanhan työväenliikkeen historia». III. Helsinki. 1951, s. 13—14.

²³ См. «Красная летопись». 1925, № 1(12), стр. 87.

²⁴ См. Л. Мехелин. Разногласия по русско-финляндским вопросам. Критический обзор. Перевод с шведского. СПб. 1908, стр. 7.

²⁵ См. Johannes Oehquist. Das Löwenbanner des finnischen Volkes, Aufstieg zur Freiheit. Berlin. 1923, S. 69; M. G. Schybergson. Politische Geschichte Finnlands 1809—1919. Gotha — Stuttgart. 1925, S. 343.

²⁶ См. «1905 год. История революционного движения в отдельных очерках». Т. 3, вып. 1. М.-Л. 1927, стр. 289.

стить политическое содержание финляндской всеобщей стачки и затушевать ее интернационально-классовую природу стараются скрыть тот факт, что она была проявлением революционной классовой солидарности пролетариата Финляндии с русским рабочим классом, что она явилась прямым отзвуком политической октябрьской стачки в России.

Выдающимся актом революционного рабочего движения в Финляндии в 1905 г. было принятие Обращения к финляндским рабочим на многолюдном митинге в Таммерфорсе 19 октября²⁷. Этот зажигательный революционный документ, вошедший в историю под названием Таммерфорского, или «красного», манифеста, знаменовал собой наивысшую точку революционного подъема. Таммерфорский манифест был принят под влиянием слухов, будто в Петербурге провозглашена республика²⁸.

Одной из примечательных черт этого документа являются засвидетельствованные в нем чувства уважения и симпатии финляндского народа к русскому народу. В этом документе говорилось: «Мы уважаем и любим благородный русский народ, хотя в глубине сердца мы и ненавидим ту гнусную бюрократию, которая в последние годы представляла в стране русскую общественность. Мы не имеем никакого особого желания отделиться от великой России, если только мы получим гарантии, что лучшие элементы русского народа возьмут в свои руки правительственную власть, и если ход событий не поставит перед необходимостью такого отделения. Но во всяком случае мы требуем, чтобы Финляндия, хотя бы и оставаясь неотделимой частью России, была признана отдельным государством с правом на автономию и издание законов»²⁹.

Для отдельных финляндских историков, кичащихся «объективным» освещением исторических событий и фактов, характерно, что они либо, по сути дела, замалчивают содержание Таммерфорского манифеста³⁰, либо опускают ту его часть, в которой манифест выразил дружественные чувства финляндского народа к русскому народу³¹.

Из анализа содержания Таммерфорского манифеста, в частности из заключительной части приведенного выше отрывка, видно, что революционный пролетариат Финляндии выступил с совершенно новым в этой стране политическим требованием, а именно с требованием полной внутренней самостоятельности, в противовес игравшей до того времени ведущую роль в политической жизни Финляндии буржуазной конституционной партией, добивавшейся лишь «восстановления законности» для страны.

В п. 1 манифеста выставлялись требования созыва Национального (учредительного) собрания и избрания для Финляндии временного правительства, которому и вменялось в обязанность созвать Национальное собрание. Далее выдвигались лозунги борьбы рабочего класса против буржуазии, за демократическое избирательное право (п. 2) и демократические свободы (п. 4).

Понятно, что революционная направленность Таммерфорского манифеста не могла не встревожить финляндскую буржуазию. Она старалась

²⁷ Полный текст этого документа см. S. Roos. Указ. соч., стр. 392—394, а также «Новая жизнь», 13 ноября 1905 г., где в корреспонденции из Гельсингфорса приведен перевод его на русский язык.

²⁸ См. И. Кок. Указ. соч., стр. 10.

²⁹ «Suomen vanhan työväenliikkeen historia». III, s. 17, а также S. Roos. Указ. соч., стр. 393.

³⁰ См., например, M. G. Schybergson. Указ. соч., стр. 347.

³¹ См., например, Johannes Oehquist. Указ. соч., стр. 77

успокоить себя тем, что в манифесте «ни одного слова не говорилось о каких-либо специфических социалистических требованиях»³².

Октябрьская всеобщая стачка полностью парализовала хозяйственную и административную жизнь Финляндии. Рабочий класс руководил ею от начала до конца и явился гегемоном движения в самом подлинном смысле этого слова. Впервые в истории страны рабочий класс стал хозяином положения³³. В течение всей недели, пока продолжалась всеобщая стачка, к голосу рабочего класса прислушивалась вся страна, с его волей должны были считаться матерые политические руководители буржуазии. Власть оказалась фактически в руках финляндского рабочего класса как в центре, так и на местах, особенно в таких промышленных пунктах, как Таммерфорс и Або.

Всеобщая стачка в Финляндии подняла сознательность и активность не только рабочего класса, но и торпарей, которые также начали забастовочную борьбу, включившись во всеобщую стачку³⁴.

С первых дней финляндской всеобщей стачки стал с большой отчетливостью проявляться классовый антагонизм между пролетариатом и буржуазией, особенно при создании Красной гвардии³⁵. «В Финляндии рабочие создали свою Красную гвардию и подняли восстание»³⁶.

Красная гвардия, или, как она на первых порах называлась, Национальная гвардия, образовалась в самом начале всеобщей стачки, после того как была обезоружена полиция. Национальная гвардия состояла главным образом из рабочих, но вначале в ней участвовали и студенты. Во главе ее сперва оказался ставленник конституционалистов, бывший гельсингфорсский полицеймейстер Горди. Но вскоре из-за разногласий с социал-демократической партией Горди вынужден был сложить с себя полномочия, и во главе Национальной гвардии был поставлен капитан в отставке Иоганн Кок, пользовавшийся доверием социал-демократической партии. Студенты и другие буржуазные элементы вышли из этой слишком для них революционной организации и обособились в самостоятельную, так называемую «охранную гражданскую гвардию», во главе которой стали бывшие офицеры. Начальником последней был назначен Теслев (в 1918 г. он был белогвардейским генералом). Организованная рабочими милиция стала именоваться Красной гвардией и приняла тот же характер вооруженной силы пролетариата, что и боевые дружины, создававшиеся по всей революционной России. В противовес Красной гвардии финляндская студенческая милиция стала называться белой гвардией.

Инспирированная деятелями конституционной партии, которая по мере развития событий все более откровенно обнаруживала свою контрреволюционность, белая гвардия постепенно начала борьбу за прекращение всеобщей стачки. Классовая вражда довела контрреволюционных конституционалистов и их белую гвардию до прямой провокации. В последний день стачки, 24 октября, Теслев, командуя студенческим отрядом, вознамерился пустить в ход вооруженную силу против отряда Красной гвардии, обвиняя последний в «бунте», выразившемся якобы в стремлении

³² Так, например, с удовлетворением отмечал Г. Гумерус, один из видных финляндских буржуазных деятелей-«активистов», впоследствии, в 1918 г., принадлежавший к числу главарей финляндской белогвардейщины, в книге: *Herman Gumterus. Aktiva, Kampår 1899—1910. Helsingfors. 1925, s. 148.*

³³ См. в «Vorwärts» от 7 ноября 1905 г. корреспонденцию из Финляндии о развитии там революционных событий под заголовком «Финляндская рабочая партия господствует в стране».

³⁴ О сравнительно широком масштабе торпарского движения могут свидетельствовать следующие цифры: в конце 1905 г. в сельских местностях состоялось 327 собраний с участием 194 тыс. человек, пославших 434 представителя в Гельсингфорс для участия совместно с рабочими в массовых демонстрациях (см. «Suomen vanhan työväenliikkeen historia». III, s. 21).

³⁵ Термин «Красная гвардия» появился впервые именно в Финляндии в 1905 году.

³⁶ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 80.

захватить оружие в оружейном магазине. В действительности же этот магазин открылся до окончания стачки, самовольно, без соответствующего разрешения рабочего стачечного комитета. Отряд Красной гвардии и явился, чтобы потребовать закрытия магазина. Кровавое столкновение казалось неминуемым, но красногвардейцы не дали себя спровоцировать и воздержались от применения силы³⁷. По признанию самих финляндских реакционных историков, с этого первого столкновения вооруженных отрядов Красной и белой гвардии и ведет начало презрительная кличка «гвардия мясников», данная финляндскими рабочими белой гвардии, как и другим классовым формированиям буржуазии³⁸.

Требования рабочих о созыве Национального собрания и выборах временного правительства для Финляндии, записанные в Таммерфорском манифесте, были встречены конституционалистами в штыки. Первое требование они называли чуть ли не «нарушением основных законов Финляндии», ссылаясь на то, что в стране имеется уже высший законодательный орган в лице сейма, а поэтому созыв Национального собрания якобы вообще излишен. Отношение же финляндских рабочих к сейму было резко отрицательным. Это вынуждены были признать даже жандармские власти в Финляндии. В донесении штаба отдельного корпуса жандармов в Финляндии говорится: «Своему же сейму, являвшемуся при нынешней системе выборов представителем только «господ» (1/10 части населения), они (финляндские рабочие.— *Я. И.*) ни на волос не доверяли, и самая мысль о возможности передачи вопроса о праве голоса такому сейму являлась для них источником огромного возбуждения»³⁹. Однако пролетарский лозунг о созыве Национального собрания для Финляндии был снят руководством социал-демократической партии, в котором преобладали соглашатели, после получения от буржуазии «торжественных заверений», что она проведет через сейм ближайшего созыва коренную демократическую реформу народного представительства.

Острые разногласия возникли и по вопросу о временном правительстве. Вначале конституционалисты как будто не очень возражали против этого требования, так как они рвались к власти и стремились как можно скорей овладеть сенатом. Положение изменилось после царского манифеста 22 октября о восстановлении автономных прав Финляндии. Конституционалисты считали свои цели достигнутыми и сразу охладели к требованию о выборах временного правительства. Между тем стачечный центр распорядился приступить к выборам. Осведомленный об отрицательном, по существу, отношении финляндской буржуазии к этому требованию, генерал-губернатор князь Оболенский заявил, что выборы временного правительства будут означать прямое объявление войны царизму, и угрожал бомбардировкой Гельсингфорса. Что эта угроза отнюдь не была пустым звуком, свидетельствует, например, упомянутое выше жандармское донесение, в котором указывается, что царские власти в Финляндии планировали «путем угрозы обстреливанием города с эскадры и с фортов крепости (Свеаборг.— *Я. И.*) принудить город к покорности при всяких обстоятельствах»⁴⁰.

И в вопросе о временном правительстве социал-демократическое руководство под давлением оппортунистов также решило отступить. Стачечный центр заявил, что список членов временного правительства будет представлен на утверждение царя⁴¹. После этого, 22 октября, на Железнодорожной площади Гельсингфорса состоялись выборы. Временное пра-

³⁷ Этот инцидент освещен в воззвании № 9, последнем по счету воззвании Красной гвардии к гражданам в дни всеобщей октябрьской стачки (см. *И. Кок. Указ. соч.*, стр. 59—60).

³⁸ См. «*Finlands frihetskrig år 1918*» I. Helsingfors. 1921, s. 81.

³⁹ «*Красная летопись*». 1925, № 1 (12), стр. 94.

⁴⁰ Там же, стр. 97.

⁴¹ См. *S. Roos. Указ. соч.*, стр. 568.

вительство было избрано в составе 24 членов, в их числе были и представители буржуазии⁴². Выборы никакого практического значения не имели. Это была только демонстрация трудящихся Финляндии одновременно против царизма и против открыто переметнувшейся на его сторону конституционной партии.

Отмеченная линия поведения руководства социал-демократической партии Финляндии не была случайностью. Ведущие позиции в этом руководстве занимали центристы, которые старались играть посредническую роль, стремясь сохранить во что бы то ни стало в составе партии и крайне правое, реформистское, крыло и левое крыло. Левые элементы были довольно сильны в Гельсингфорсе, где они группировались преимущественно вокруг газеты «Työmies» и теоретического журнала «Sosialistinen aikakausi», почему и получили название силтасааровцев, по имени местонахождения редакции этих органов (Siltasaari) в Гельсингфорсе. Эти левые элементы особенно усилились под влиянием русской революции 1905 г., опираясь на возникшее под ее мощным воздействием широкое массовое движение рабочего класса и деревенской бедноты, а также на созданную в октябрьские дни Красную гвардию.

«Теперь, в свете истории,— писал О. В. Куусинен,— можно констатировать, что вина силтасааровцев заключалась отнюдь не в том, что они вели борьбу за революционно-марксистское направление социал-демократического движения в Финляндии, а в том, что они вели эту борьбу половинчато, в том, что они не развили ее последовательно как борьбу за исключение правого крыла из рядов партии»⁴³.

Для руководства финляндской социал-демократии в целом показателен, например, тот факт, что даже в разгар всеобщей стачки им не был выставлен один из главных лозунгов буржуазно-демократической революции — требование демократической республики.

Характеризуя финляндскую социал-демократическую партию, О. В. Куусинен отмечает, что она была организационно ограниченной и политически малоразвитой, неустойчивой, колеблющейся, лишенной монолитности, что по своей организационной структуре партия была скорее политическим объединением профсоюзов⁴⁴.

Возвращаясь к вопросу о том, как реагировали царские власти на революционные события в Финляндии, следует отметить, что царского генерал-губернатора в Финляндии удержало от угрозы применения оружия то, что русские войска заявили об отказе стрелять в народ в случае конфликта⁴⁵. Газета «Новая жизнь» в корреспонденции из Финляндии сообщала: «Демонстранты двинулись к генерал-губернаторскому дому с целью заменить русский флаг финским. Рота солдат — каждый со 120 боевыми патронами — была выстроена перед генерал-губернаторским домом... Но в острый момент, когда можно было ожидать стычки, солдаты взволнованно заявляли своим отделенным, что они стрелять не будут. Другие говорили, вернувшись в казармы, что стрелять они стали бы лишь в воздух, но никак не в людей»⁴⁶. Когда стало известно о приближении артиллерии, население Гельсингфорса отправило депутацию к солдатам и командованию, чтобы объяснить им, что финляндский народ так же борется за свободу, как и русский⁴⁷.

Боязнь двинуть русские войска против безоружных финляндских народных масс вызывалась у царского правительства не только неуверенностью в этих войсках, но и общей его растерянностью, паническим

⁴² См. «Красная летопись». 1925, № 1(12), стр. 98—99.

⁴³ O. W. Kuusinen. Suomen työväenliikkeen opetuksia. Lappeenranta. 1949, s. 10.

⁴⁴ См. там же, стр. 8, 11.

⁴⁵ См. «Пролетарий», 25 октября 1905 года. Об отказе русских войск прибегнуть к оружию пишет и Шибергсон (см. M. G. Schuberger's on. Указ. соч., стр. 345).

⁴⁶ «Новая жизнь», 3 декабря 1905 года.

⁴⁷ См. «Пролетарий», 25 октября 1905 года.

страхом перед мощным революционным натиском рабочего класса России и опасениями того, что бомбардировка Гельсингфорса чревата опасными последствиями для судеб царизма. Царское правительство даже не решалось направить войска против Красной гвардии финляндского пролетариата, несмотря на то, что реакционная верхушка буржуазии в Гельсингфорсе умоляла об этом царского генерал-губернатора, как это отмечает О. В. Куусинен на основе своих личных воспоминаний о 1905 году⁴⁸. Один видный финляндский офицер, полковник Мексмонтан⁴⁹, командовавший до роспуска финляндских войск лейб-гвардии 3-м финляндским стрелковым батальоном, обратился 24 октября 1905 г. к царскому генерал-губернатору в Финляндии за разрешением «сформировать банду, вооружить таковую имеющимися у него винтовками и, поставив под начальство своих офицеров, употребить ее для защиты партии конституционалистов от рабочих»⁵⁰. В этом ему было, однако, отказано⁵¹. Один из наиболее реакционных представителей финляндской буржуазии, Игнациус (впоследствии, в 1918 г., бывший в числе главарей финляндской бело-гвардейщины), в своих воспоминаниях о 1905 г. сообщает, что уже во время всеобщей октябрьской стачки среди финляндской буржуазии обсуждался вопрос о помощи со стороны Германии⁵².

Для характеристики революционных настроений народных масс Финляндии в 1905 г., настроений, чуждых шовинистических идей национальной розни, показателен не только приводившийся выше Таммерфорский манифест, но и некоторые другие документы, говорящие о том, что дружественное расположение к русскому народу было присуще наряду с рабочим классом и другим слоям населения Финляндии. В качестве свидетелства можно привести обращение, адресованное стачечным комитетом гельсингфорских студентов к русским в Финляндии в первые дни всеобщей стачки, когда студенты еще входили вместе с рабочими в Национальную гвардию. В этом обращении, между прочим, говорилось, что «друзья свободы Финляндии требуют абсолютно того же, что и борцы за свободу в России... Против благородного русского народа, который мы любим и уважаем,— у нас следовательно нет никаких дурных намерений»⁵³. В сборнике «Статьи и воспоминания», относящемся к действовавшей на территории Финляндии в 1905—1907 гг. боевой группе при ЦК РСДРП(б), перу одного из участников сборника принадлежит следующие слова: «Отношение к нам финнов было, мало сказать, хорошее, а просто дружеское, выявлявшееся с такой теплотой, которая как будто несвойственна скрытным по характеру финнам»⁵⁴.

В дни всеобщей стачки руководство Красной гвардии выпустило специальное объявление, адресованное к русскому населению финляндской столицы, в котором говорилось, что задачей Красной гвардии является «зоркое наблюдение за сохранением порядка и в особенности забота о том, чтобы никто из русских не подвергся какой-либо опасности или оскорбительному обращению»⁵⁵. Русское население платило взаимностью. В донесении штаба отдельного корпуса жандармов об октябрьских днях в Финляндии сообщается об уличном шествии русских учащихся, распевавших финские национальные песни⁵⁶. 21 октября в Гельсингфорсе со-

⁴⁸ См. О. Куусинен. Финляндия без маски. Госполитиздат. 1943, стр. 5.

⁴⁹ Во время первой мировой войны Мексмонтан был активным агентом и шпионом германского империализма. Вплоть до февраля 1917 г. он сидел в тюрьме за шпионаж в пользу Германии.

⁵⁰ «Красная летопись». 1925, № 1 (12), стр. 101.

⁵¹ См. там же.

⁵² См. «Suomen vanhan työväenliikkeen historia». III, s. 15.

⁵³ S. Roos. Указ. соч., стр. 374; см. также «Новая жизнь», 28 октября 1905 года.

⁵⁴ «Боевая группа при ЦК РСДРП(б) (1905—1907)». Статьи и воспоминания. М.-Л. 1927, стр. 29.

⁵⁵ S. Roos. Указ. соч., стр. 477.

⁵⁶ См. «Красная летопись». 1925, № 1 (12), стр. 88.

стоялся митинг русского населения, вынесший резолюцию о том, что «русской общественности не угрожает никакая опасность со стороны финляндской общественности». Митинг выразил свою признательность освободительному движению финляндского народа и просил допустить русских к участию в Красной гвардии⁵⁷.

Классовая солидарность финляндских трудящихся с революционным русским пролетариатом не ограничилась лишь октябрьскими днями. Так, когда в середине ноября 1905 г. в ответ на провокационный образ действий черносотенного царского правительства по всей России началась всеобщая почтово-телеграфная забастовка, к ней тотчас же примкнули телеграфисты-финляндцы, служащие российского телеграфного ведомства в Финляндии⁵⁸. Когда в конце ноября по приказу царских властей начались массовые увольнения забастовщиков, в том числе финляндских телеграфистов, широкие общественные круги в Финляндии отнеслись к ним с большой симпатией, в газетах предлагалось открыть сборы денежных средств в пользу бастующих.

Под мощным напором всероссийской октябрьской политической стачки, а также всеобщей политической стачки, организованно проведенной финляндским пролетариатом, власть царя в Финляндии зашаталась. В один из первых дней всеобщей финляндской стачки большая группа демонстрантов, в которой участвовали и прогрессивные элементы буржуазии, подошла к генерал-губернаторскому дому в Гельсингфорсе и решительно потребовала удаления из сената креатур бобриковского⁵⁹ режима. Сенаторы-старофинны поспешили возвестить с балкона о своем «добровольном» уходе в отставку. Капитулировал, испугавшись народа, и сам генерал-губернатор, заявивший о готовности подать царю прошение об отставке⁶⁰.

Непосредственным результатом революционного подъема финляндских трудящихся, обусловленного огромным размахом русской революции 1905 г., явились восстановление попраных царизмом автономных конституционных прав Финляндии и предоставление финляндскому народу права всеобщих выборов, предусмотренные специально изданным царем для Финляндии 22 октября 1905 г. «Манифестом о мерах к восстановлению закономерного порядка в крае»⁶¹.

Манифест царя от 22 октября, проект которого был выработан при ближайшем участии руководства конституционной партии, формально восстанавливал автономный режим Финляндии и санкционировал требования избирательной реформы. Отменялись недавние антифинляндские мероприятия царского правительства, давалось обещание ввести всеобщее избирательное право, свободу печати, собраний, союзов и установить правовую ответственность членов сената перед сеймом. Для обсуждения и утверждения этих новых положений особой грамотой царя созывался чрезвычайный сейм на 7 декабря 1905 года⁶².

«Русская революция, поддержанная финляндцами,— писал Ленин в газете «Социал-демократ» 31 октября 1909 г.,—заставила царя разжать пальцы, которыми он в течение нескольких лет сжимал горло финляндского народа. Царь, желавший распространить свое самодержавие

⁵⁷ См. S. Roos. Указ. соч., стр. 493—495.

⁵⁸ См. «Новая жизнь», 26 ноября 1905 года.

⁵⁹ Н. И. Бобриков — царский генерал-губернатор в Финляндии в 1898—1904 гг., установивший там свирепый полицейско-жандармский режим.

⁶⁰ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 420.

⁶¹ Текст манифеста 22 октября 1905 г. см. «Сеймовый устав Великого княжества Финляндского», с приложениями. СПб. 1913, стр. 188—190.

⁶² См. там же, стр. 190.

на Финляндию, конституции которой клялись его предки и он сам, должен был признать не только изгнание с финляндской земли палачей бобриковцев и отмену всех своих незаконных указов, но и введение в Финляндии всеобщего и равного избирательного права»⁶³.

Если манифест 17 октября 1905 г. был вырван у царя всероссийской политической стачкой, то изданный им несколько дней спустя, 22 октября, манифест для Финляндии явился прямым следствием не только этой стачки, но и революционных событий в Финляндии. Под мощным революционным натиском русского рабочего класса, подхваченным финляндским рабочим классом, царское правительство вынуждено было дать Финляндии конституционные обещания, носившие, впрочем, насквозь лицемерный характер⁶⁴.

Конституционалисты были вполне удовлетворены царским манифестом, который Мехелин, назначенный главой сената, в приливе верно-подданнических чувств официально назвал «всемиловитейшим»⁶⁵. Буржуазия вздохнула свободно. Помимо того, что оставался открытым вопрос об однопалатной системе, самое дело перестройки народного представительства и утверждения свобод поручалось крайне непопулярному в глазах рабочих четырехсословному сейму, а не избираемому на основе всеобщих выборов Национальному собранию, которого так настойчиво требовали трудящиеся и против которого решительно выступала буржуазия. Финляндские пролетарии были крайне недовольны туманными, расплывчатыми формулировками манифеста. Характерно, что типографские рабочие отказывались его печатать. Рабочий класс настаивал на том, чтобы стачка продолжалась впредь до полного удовлетворения требования о всеобщем избирательном праве. Финляндские капиталисты, подняв по всей стране шум по поводу одержанной над царизмом победы, поколебали стойкость менее сознательной части рабочего класса и оказали давление на руководство финляндской социал-демократической партии. Последнее уступило требованиям конституционной партии и согласилось прекратить «великую стачку». Октябрьские дни в Финляндии завершились, таким образом, очень ограниченными результатами. Проявленная рабочими революционная энергия пошла в первую очередь на пользу финляндской буржуазии, осуществившей свои давнишние мечты стать у кормила правления. Она лишь снисходительно признавала за рабочим классом заслугу в деле освобождения родины от произвола царских сатрапов и вынуждена была согласиться провести реформу системы народного представительства.

Из сказанного явствует, что в революционном 1905 г. рабочий класс Финляндии, как и пролетариат всей России, играл роль ведущей силы, гегемона революционного движения, охватывавшего, кроме пролетариев и широчайших слоев трудового населения финляндской деревни, также и отдельные буржуазно-прогрессивные элементы города. Финляндские социал-демократические руководители, подобно русским меньшевикам, исходили из немарксистской установки о том, что поскольку революция носит буржуазный характер, то вполне закономерно, чтобы в результате победы революции вся власть перешла к буржуазии. Поэтому они так легко выпустили из рук победу, одержанную в результате успешно проведенной всеобщей октябрьской стачки, и отдали власть в руки буржуа-

⁶³ В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 63.

⁶⁴ Все лицемерие манифеста 22 октября разоблачается, например, в официально изданном царским правительством в 1910 г. сборнике документов, где с циничной откровенностью говорится: «Манифест 22 октября 1905 г. был опубликован только в Финляндии... Так как обнародование означенного манифеста в Империи через правительствующий сенат вовсе произведено не было, то, согласно ст. 92 Основных государственных законов (изд. 1906 г.), в Империи он не имеет силы и значения действующего закона» («Материалы по вопросу о порядке издания касающихся Финляндии законов общегосударственного значения». СПб. 1910, стр. 74).

⁶⁵ Газета «Начало». 26 ноября 1905 года.

зии, равно как примирились с тем, что требование рабочего класса об избрании временного правительства, по сути дела, было сведено на нет. Был поэтому быстро сменен и другой революционный лозунг Таммерфорского манифеста — о созыве Национального собрания, замененный лозунгом борьбы за демократический сейм.

Но не весь рабочий класс Финляндии стоял на таких позициях. Настроения острого недовольства оппортунистической линией социал-демократического руководства, упустившего возможность довести до конца буржуазно-демократическую революцию, проявились на чрезвычайном III съезде финляндской социал-демократической партии, происходившем в ноябре 1905 г. в Таммерфорсе.

В съезде участвовало более 300 делегатов от 130 партийных организаций. Центральным пунктом повестки дня съезда был вопрос об отношении к предстоящему созыву чрезвычайного сейма. Радикальное крыло съезда высказывалось за бойкот недемократического, четырехсоставного сейма и неучастие в выборах, настаивая на созыве всенародного Национального собрания и предлагая как средство борьбы всеобщую стачку. В частности, особенно энергично выступала против какого бы то ни было сотрудничества с буржуазией Гельсингфорсская организация. Партийное руководство во главе с секретарем партии, соглашателем Кари, заявляло о «нереальности» идеи всеобщей стачки ввиду-де отсутствия поддержки со стороны буржуазных элементов. Эта аргументация целиком напоминала позицию русских меньшевиков. Выступавшие представители радикального крыла съезда, так называемые «бойкотисты», говорили, что партию раздирают на две части разногласия, носящие тот же характер, что и разногласия в зарубежной социал-демократии, и бросили по адресу своих противников обвинение в оппортунизме. Партийное руководство считало, что съезд фактически выразил ему недоверие и порицание, и сложил с себя полномочия. В результате 191 голосом было принято предложение Гельсингфорской организации бойкотировать выборы в сейм. За участие же в выборах было подано 96 голосов. Было решено объявить всеобщую стачку в том случае, если это окажется необходимым⁶⁶. Съезд избрал новое партийное руководство во главе с секретарем партии Ирве Сирола. Центральное партийное правление (ЦК) переехало из Або в Гельсингфорс.

В специальной резолюции съезд выразил свое сердечное сочувствие и свои братские чувства русским товарищам, борющимся за свободу. В корреспонденции «Новой жизни» о Таммерфорском съезде финляндской социал-демократической партии сообщалось, что съезд получил приветствие от ЦК РСДРП, которое было восторженно встречено делегатами, прокричавшими троекратное «ура!» в честь РСДРП. В приветствии ЦК высказывалось пожелание о совместной борьбе российского и финляндского пролетариата для окончательного свержения самодержавия. В связи с этим предложением съезд единогласно постановил поручить правлению финляндской социал-демократической партии вступить в постоянную корреспондентскую связь с ЦК РСДРП⁶⁷.

Верность финляндских пролетариев боевым задачам рабочего класса сказалась также в том, что созданная ими в октябрьские дни Красная гвардия не прекратила своего существования после всеобщей стачки. В происходивших после октября массовых рабочих демонстрациях, митингах и празднествах она всегда принимала активное участие совместно с русскими солдатами и матросами, неся знамена и лозунги на финском и русском языках. Красная гвардия особенно давала о себе знать

⁶⁶ См. «Suomen vanhan työväenliikkeen historia». III, s. 19, а также «Vorwärts», 24 ноября 1905 года.

⁶⁷ См. «Новая жизнь», 18 ноября 1905 года.

в воскресные дни, когда устраивавшиеся ею парады привлекали много народа и вызывали тревогу царских властей⁶⁸.

Являясь плотью от плоти пролетариата Финляндии, Красная гвардия жила идеями непримиримой классовой борьбы и интернациональной солидарности с революционным рабочим классом России. Красная гвардия считала себя «естественной помощницей русской революционной армии»⁷⁰.

27 ноября 1905 г. на Сенатской площади в Гельсингфорсе состоялся парад Красной гвардии, а после этого — митинг, на котором выступил командир Красной гвардии Кок. Коснувшись революционных событий в России, он сказал: «До нас дошли слухи о том, что предполагают казнить лейтенанта Шмидта и его товарищей... Мы выражаем им свое глубочайшее сочувствие, а их преследователям — осуждение»⁷¹.

В страхе перед растущей мощью рабочего класса финляндская буржуазия проектировала повсеместный локаут с тем, чтобы, лишив рабочих работы и хлеба, сломить силу их организованности и стойкости. Это вызвало еще большее возбуждение в рядах рабочего класса. В декабре 1905 г. состоялось собрание с участием около 500 представителей финляндских рабочих для практического разрешения вопроса об объявлении новой всеобщей стачки. Собрание признало ее неизбежной. Была утверждена инструкция для центрального стачечного комитета и выработаны соответствующие воззвания. Рабочее движение воодушевлялось сообщениями из России, где начались вооруженные восстания рабочих. «В последние дни 1905 г., в то время, когда зарево московских боев осветило перед всем миром сознательную волю русского пролетариата, представители народа из всех частей Финляндии собрались в Хельсинки на совещание по вопросу об организации новой всеобщей стачки»⁷².

Таким образом, уже первый год русской революции способствовал сближению трудящихся Финляндии и России. Исполненные гнева против царя и его приспешников, лишивших свободу Финляндии, как и других частей царской России, финляндские трудящиеся отдавали дань уважения русскому рабочему классу. На победу русского пролетариата, возглавлявшего борьбу с самодержавием, финляндский пролетариат стал возлагать все надежды. Отчужденность народных масс Финляндии от России, сложившаяся в результате исторических условий и являвшаяся плодом царской политики натравливания одной нации на другую, уступила место интернациональной солидарности финляндских трудящихся с революционным движением в России.

Вот как изображается в брошюре одного финляндского автора перелом, происшедший в общественном мнении пролетариата Финляндии в отношении рабочего движения России под влиянием революции 1905 г.: «Могучая революционная волна русского пролетариата всколыхнула рабочие умы и в Финляндии. Она показала финляндскому рабочему классу, что именно с востока, из России нужно ждать помощи для политического возрождения Финляндии. Она побудила финляндский пролетариат обратить больше внимания на революционное движение русского рабочего класса.

Прежде всего под влиянием революции 1905 года подымается интерес ко всему русскому по всей пролетарской Финляндии. Русский рабочий не является уже более в глазах финского рабочего угнетателем, а братом, таким же рабом капитализма и царского режима, как и финн. Во всех

⁶⁸ Командующий царскими войсками в Финляндии генерал фон Зальца издал специальный приказ, в котором обрушился на финляндскую Красную гвардию, особенно за ее воскресные парады (см. «Новая жизнь». 30 ноября 1905 года).

⁷⁰ См. «Запросы по финляндскому управлению». Государственная дума 1908 г. СПб. 1909, стр. 36.

⁷¹ «Новая жизнь», 1 декабря 1905 года.

⁷² «Suomen vanhan työvænliikkeen historia». III, s. 22.

почти финских рабочих газетах выделяется теперь особый русский отдел, посвященный обзору русских событий и рабочего движения в России. Рабочие издательства издают брошюры о русском движении. Редкое социалистическое издание обходится с этих пор без особых статей, посвященных России»⁷³.

Одним из проявлений интернациональной классовой солидарности рабочих обеих стран явились ценные услуги, которые оказывались русским революционерам на территории Финляндии. Через Финляндию шел нелегальный транспорт большевистской литературы, производилась нелегальная переправа людей через границу, было организовано снабжение революционеров оружием⁷⁴. В Таммерфорсе в декабре 1905 г. происходила историческая первая конференция большевиков⁷⁵, на которой впервые встретились В. И. Ленин и И. В. Сталин. В 1905—1907 гг. в Финляндии с перерывами жил и работал В. И. Ленин.

Оценивая период 1905—1907 гг. в целом⁷⁶, можно со всей определенностью утверждать, что первая русская революция имела для Финляндии поистине историческое значение. Революционный натиск русского рабочего класса на царизм помог финляндскому пролетариату возглавить борьбу за национальные и политические права, вырвать у царя всеобщее избирательное право. «Финляндия,— писал Ленин в «Социал-демократе» 26 апреля 1910 г.,— воспользовалась российской революцией, чтобы обеспечить себе несколько лет свободы и мирного развития... Только тогда вздохнула свободно Финляндия, когда российский рабочий класс поднялся гигантской массой и потрянул русским самодержавием»⁷⁷.

⁷³ Эдуард Торнайнен. Рабочая революция в Финляндии. М. 1919, стр. 10—11.

⁷⁴ Большая протяженность морской границы Финляндии предоставляла благоприятные условия для нелегального ввоза оружия, а существовавшая в Финляндии свободная продажа оружия открывала легкую возможность легального провоза его внутрь России. По далеко не полным данным, составленным царской жандармерией, один легальный ввоз оружия за навигацию 1904 г. и первую половину 1905 г. составлял около 350 тыс. патронов (до 5 тонн), 8 709 ружей, 7 119 револьверов (см. «Красная летопись». 1925, № 1 (12), стр. 100—101).

⁷⁵ В память об этом событии в Таммерфорсе, в доме, где происходила указанная конференция, был открыт несколько лет назад финляндскими трудящимися Музей имени В. И. Ленина.

⁷⁶ Революционные события, происходившие в Финляндии после 1905 г., и связанные с ними вопросы (Свеаборгское восстание, в котором участвовала финляндская Красная гвардия, деятельность социал-демократической партии Финляндии в 1906—1907 гг. и др.) требуют специального рассмотрения.

⁷⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 153.